

Зважаючи на викладене, вважаємо, що пункт 1 частини 1 статті 2 проєкту Закону України «Про акціонерні товариства» має бути викладений в такій редакції: «авторизована електронна система – авторизована (-і) Національною комісією з цінних паперів та фондового ринку програмно-технічний (-і) комплекс (-и), незалежно від апаратно-програмної платформи, яка (-і) відповідає (-ють) іншим встановленим вимогам та забезпечує (-ють) ідентифікацію і автентифікацію акціонерів (їх представників), надсилання їм повідомлень, реєстрацію акціонерів (їх представників) для участі у загальних зборах, отримання документів, з якими акціонери (їх представники) можуть ознайомитись під час підготовки до загальних зборів, голосування бюлетенями та прийняття участі в обговоренні з питань порядку денного, підбиття підсумків голосування з питань порядку денного загальних зборів, а також реалізацію інших функцій, визначених законодавством».

Салей А.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
юридического факультета Белорусского
государственного университета,*

Царева Л.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
юридического факультета Белорусского
государственного университета,*

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО БЕЛАРУСИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Объективные предпосылки постановки вопросов о состоянии и перспективах национального корпоративного права в целом, и акционерного законодательства в частности, в контексте мировых тенденций интеграции прежде всего связаны с процес-

сом обновления базовых нормативных правовых актов, определяющих правовое положение юридических лиц.

В ходе реновации Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), который с 2018 года находится в режиме сквозного комплексного пересмотра, обновлению подвергаются материальные и коллизионные нормы о юридических лицах, включая классическую форму корпоративных организаций – хозяйственные общества. В дополнение к этому весной 2020 года в Парламент во втором чтении представлен проект закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам хозяйственных обществ» [1], что в первую очередь касается закона Республики Беларусь от 12 декабря 1992 года «О хозяйственных обществах», который, сохраняя уже устоявшееся видовое деление хозяйственных обществ на акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью и общества с дополнительной ответственностью, по сути исключает ключевые различия между открытыми и закрытыми акционерными обществами.

Основываясь на общей оценке действующего законодательства о юридических лицах корпоративного типа и перспективных направлениях его изменения в контексте соответствия общеевропейским тенденциям в развитии корпоративного права, стоит обратить внимание на следующие ключевые моменты.

1. Действующее национальное законодательство не оперирует буквальной категориальной терминологией корпоративного права. В ГК Беларуси не легализованы такие понятия как «корпорация», «корпоративное отношение», «корпоративное право». Это связано не только с дискуссионностью самих понятий в доктрине права (актуальный и востребованный предмет исследований в цивилистике) и весьма разнящимися подходами в рамках континентальной и англо-американской системы права, но и неготовностью национального законодателя к комплексному реформированию системы юридических лиц и их систематизации в рамках корпоративных и унитарных организаций [2, с. 24-25].

Вопрос о легализации видовой классификации юридических лиц на корпоративные и унитарные в Беларуси на данном этапе не рассматривается. В рамках работы по совершенствованию ГК предложено лишь расширить предмет гражданско-правово-

го регулирования, дополнив его «отношениями, связанными с участием в юридических лицах или с управлением ими» [3, п. 1], то есть по сути корпоративными отношениями.

2. Подвергая критической оценке проект Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь» (далее – проект закона о внесении изменений в ГК), следует констатировать, что ожидать существенных изменений материального регулирования юридических лиц на уровне ГК не приходится. Стремясь закрепить на уровне ГК исчерпывающий перечень организационно-правовых форм юридических лиц, в том числе и некоммерческих, в проекте закона о внесении изменений в ГК закреплены 5 организационно-правовых форм коммерческих и 18 организационно-правовых форм некоммерческих организаций, что явилось результатом не переосмысления и оценки, а выборки действующего законодательства.

Даже при отсутствии легализованного понятия корпорации, как следствие неоднозначности отнесения организаций корпоративного типа к коммерческим – некоммерческим юридическим лицам, бесспорно как корпоративные квалифицируются такие закрепленные в действующем ГК Беларуси организационно-правовые формы коммерческих организаций как хозяйственные товарищества и хозяйственные общества (аналог закрепленных видов хозяйственных обществ в ст. 80 Хозяйственного кодекса Украины, ст. 84 Гражданского кодекса Украины).

Со времени вступления в силу ГК (1999 г.) на территории Республики Беларусь было создано всего три хозяйственных товарищества: одно полное и два коммандитных, что явилось аргументом для отказа от названной формы в проекте закона о внесении изменений в ГК [4, п. 14]. Очевидно, что невостребованность хозяйственных товариществ на практике предопределяется целым рядом как объективных, так и субъективных обстоятельств. В частности, имеют место ограничения по субъектному составу, выражающиеся в том, что участниками полных товариществ и полными товарищами в коммандитных товариществах могут быть только физические лица со статусом индивидуально-предпринимателя и (или) коммерческие организации. В сочетании с солидарным характером полной субсидиарной ответствен-

ности участников собственным имуществом по обязательствам товарищества и отсутствием налоговых преимуществ, это приводит к тому, что организационно-правовая форма хозяйственного товарищества в Беларуси практически не используется. Вместе с тем, с нашей точки зрения, аргумент о не востребоваемости практикой на данном этапе, не является убедительным без учета оценки сферы применения (преимущественно малый бизнес), сущностных характеристик данной организационно-правовой формы (простоты создания и функционирования, доверительного характера отношений между участниками), степени узнаваемости (признания в зарубежных государствах).

Доктрина утверждает, практика и статистика подтверждают, что доминирующей является такая форма корпоративных организаций как хозяйственные общества. Причем видовая классификация хозяйственных обществ в Беларуси является устоявшейся, неизменяемой с момента первоначальной легализации в начале 90-х годов 20 века. Согласно данным Министерства юстиции по итогам 2018 г. (более поздних официальных данных нет) в Беларуси создано 8675 обществ с ограниченной ответственностью (далее – ООО), 9 обществ с дополнительной ответственностью (далее – ОДО) и 41 акционерное общество (далее – АО) [5].

Факторы, предопределяющие популярность ООО, очевидны: четкая и понятная, в том числе для иностранных инвесторов, организационная структура общества, механизм ограничения ответственности участников пределами вклада в уставный фонд, возможность отчуждения доли и выхода из состава участников, незначительные имущественные и временные затраты на стадии создания, в том числе с учетом отсутствия законодательно установленного минимального размера уставного фонда. Одно из отличий от западных правовых порядков, где ООО может создаваться с любой целью, заключается в жесткой принадлежности ООО к категории коммерческих организаций, нацеленных на извлечение прибыли.

Не удивительно, что ОДО в более чем 160 раз проигрывает ООО по востребованности. ОДО как разновидность хозяйственных обществ стала утрачивать свою популярность после вступления в силу 1 февраля 2009 г. Декрета Президента Республики

Беларусь от 16 января 2009 № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования», отменившего нормативно установленный минимальный размер уставного капитала для ООО и ОДО. До этого, когда разница между размерами минимального уставного фонда ООО и ОДО была существенна и составляла около 1200 евро, выбор в пользу ОДО являлся ощутимым преимуществом на стадии создания бизнеса, что отражалось на их количестве. Отпадение такого различия на фоне субсидиарной ответственности участников ОДО (хотя законодательно установленный минимальный размер такой ответственности весьма условен и формален; согласно действующему законодательству он составляет сумму, эквивалентную 50 базовым величинам, то есть около 450 евро) объясняет не востребованность ОДО на практике. Тем не менее, белорусский законодатель не последовал, в частности, примеру РФ, где аналогичная разновидность хозяйственных обществ была упразднена в рамках реформы 2014 года.

Количество вновь создаваемых акционерных обществ в Беларуси также относительно невелико. Создание АО (если это не банки и страховые организации, где форма predetermined законодательно), на определенном этапе преимущественно было связано с реорганизацией в процессе приватизации государственных унитарных предприятий. Проект закона о внесении изменений в ГК сохраняет традиционное разграничение акционерных обществ на открытые и закрытые в зависимости от порядка размещения и обращения акций. Помимо этого, в законодательстве пока сохраняются ограничения по субъектному составу ЗАО (не более 50 акционеров) и различные требования к минимальному размеру уставного фонда, весьма незначительному по размеру, но различающемуся в 4 раза. В то же время проектом закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам хозяйственных обществ» предлагается снятие одного из основных разграничений между закрытым и открытым акционерными обществами, поскольку в качестве общего правила закрепляется свободное отчуждение акций ЗАО. Преимущественное право покупки акций ЗАО его акционерами может быть предусмотрено уставом соответствующего общества в индивидуальном порядке

(нов. редакции п. 5 ст. 97 ГК и ч. 1 ст. 73 Закона о хозяйственных обществах). Полагаем, что указанные изменения следует рассматривать как первый продуманный шаг законодателя к отказу от деления акционерных обществ на закрытые и открытые в пользу соответствующей общим тенденциям в развитии корпоративного права систематики деления на публичные и непубличные общества.

3. Обращает на себя внимание законодателя к вопросам корпоративного управления, причем в сфере как материального, так и коллизионного регулирования.

Акционерные соглашения и договоры об осуществлении прав участников ООО (корпоративные соглашения) как дополнительные к уставу механизмы регулирования отношений между партнерами по бизнесу, признанные зарубежным законодательством и практикой, были легализованы в Беларуси лишь в 2015 г. с принятием новой редакции закона о хозяйственных обществах. До настоящего времени они не получили широкого распространения в связи с потенциальными проблемами их исполнимости на фоне преимущественно императивного законодательства о хозяйственных обществах, в том числе, императивных положений о преимущественном праве покупки, которое в Беларуси с учетом сложившейся практики (в противовес общепринятому в доктрине подходу) распространяется и на продажу акций (долей в уставном фонде) одному из участников корпорации. Определенную роль играют также ограничения в отношении субъектного состава корпоративных соглашений, участниками которых не могут выступать все участники корпорации, а также само общество. В настоящий момент исключение установлено только в отношении резидентов Парка высоких технологий, которые в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» вправе заключать корпоративные соглашения между всеми участниками, а также с участием самого резидента ПВТ. Однако оно имеет объективные перспективы стать общим правилом через проект закона об изменении законодательства о хозяйственных обществах [1, п. 59].

Действующее законодательство не содержит специальных коллизионных норм об определении права, применимого к дого-

ворам, связанным с осуществлением прав участниками корпоративной организации. Указанное вызывает дискуссию в доктрине и сложности в правоприменительной практике при разрешении вопросов о возможности применения автономии воли к таким договорам, ее ограничении и разграничении сферы действия статута юридического лица и обязательственного статута.

Применительно к вопросу о допустимости подчинения корпоративных соглашений, заключаемых участниками белорусских хозяйственных обществ, иностранному праву, на начальном этапе развития трансграничных соглашений доминирующей была позиция, согласно которой все отношения участников (акционеров) хозяйственного общества, учрежденного в Беларуси, должны разрешаться на основе белорусского законодательства. В противовес высказывалось мнение о том, что договорная природа таких соглашений предопределяет право сторон на автономию воли при выборе применимого к их отношениям права [6, с. 20]. При этом авторы не оспаривают связь корпоративных соглашений с внутренними отношениями юридического лица и определяют роль закона юридического лица в качестве границ для автономии воли сторон при заключении договоров об осуществлении прав участников общества ввиду необходимости соблюдения акционерами (участниками) императивных норм, касающихся существенных вопросов создания, деятельности и правоспособности юридического лица.

Согласно проекту закона о внесении изменений в ГК обозначенные пробелы ликвидируются. Предлагаемые новеллы в ст. 1126 ГК, регламентирующую в настоящее время только вопрос определения права, применимого к договору о создании юридического лица, включают прямое указание на допустимость автономии воли сторон договора об осуществлении прав участников общества, а также устанавливают специальную формулу прикрепления для определения права, применимого к такому договору, в случае, когда стороны не определили применимое право самостоятельно. В такой ситуации применяется право страны, в которой учреждено юридическое лицо, что обеспечивает единство правового регулирования отношений между сторонами корпора-

тивного соглашения и тесно взаимосвязанных с ними внутренних отношений юридического лица.

Кроме того, проект закона о внесении изменений в ГК устраняет пробел по вопросу о сфере действия закона юридического лица путем закрепления в ст. 1112 ГК открытого перечня отношений, регулируемых соответствующим статутом [3, п. 216]. Предлагаемый перечень во многом перекликается с положениями проекта Правил о праве, применимом к компаниям и другим учреждениям, представленного на обсуждение в сентябре 2016 года Европейской группой экспертов по международному частному праву (GEDIP) с целью принятия нормативного унифицированного акта на уровне Европейского Союза [7, ст. 5].

Концептуально новые положения о коллизионном регулировании корпоративных соглашений и их содержательное наполнение в совокупности с легализацией сферы действия закона юридического лица позволяет характеризовать перспективное совершенствование коллизионного законодательства о юридических лицах как сущностное, направленное на поддержку материального регулирования и соответствующее современным мировым тенденциям.

В заключение считаем возможным отметить, что, с нашей точки зрения, первоочередного внимания в национальном корпоративном праве в контексте современных процессов региональной интеграции и глобализации требуют, во-первых, коллизионное регулирование, поскольку оно обеспечивает единые подходы к выбору компетентной правовой системы, и, во-вторых, акционерное законодательство, поскольку оно ориентировано на регламентацию форм осуществления именно крупного и, как правило, трансграничного бизнеса. В этой связи белорусскому законодателю можно было бы пожелать большей интеграционной динамики в области права акционерных обществ.

В части систематики юридических лиц и правового статуса отдельных организационно-правовых форм национальное корпоративное право не требует полного устранения имеющихся различий. В качестве ключевой задачи при определении направлений развития корпоративного законодательства на национальном уровне следует рассматривать не абсолютизацию стремления к

унификации, а создание внутренне согласованной, транспарентной и эффективной в работе системы юридических лиц, с ориентацией на мировые достижения и опыт, при сохранении национальной специфики.

1. *Об изменении законов по вопросам хозяйственных обществ : проект закона Респ. Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/Proekt-na-soglas.pdf> (дата обращения: 10.10.2020).*
2. *Салей Е.А. Институт юридического лица в Гражданском кодексе Республики Беларусь: состояние и перспективы развития // Журнал Белорусского государственного университета. Право = Journal of the Belarusian State University. Law. 2019. № 1. С. 23-31. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/231400> (дата обращения: 10.10.2020).*
3. *О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь : проект Закона Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmenenija_v_kodeksi.pdf (дата обращения: 10.10.2020).*
4. *Обоснование необходимости принятия Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь». [Электронный ресурс]. URL: https://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmenenija_v_kodeksi_obosnovanie.pdf (дата обращения: 10.10.2020).*
5. *Официальный интернет-портал Министерства юстиции Республики Беларусь. Архив за 2018 год. [Электронный ресурс]. URL: https://minjust.gov.by/directions/unified_state_register/archived/archive_for_2018/ (дата обращения: 10.10.2020).*
6. *Салей Е.А., Царева Л.В. Совершенствование коллизионного законодательства о юридических лицах в свете реформирования гражданского кодекса Республики Беларусь // Юстиция Беларуси. 2018. № 4. С. 18-22. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/240940> (дата обращения: 10.10.2020).*
7. *Draft rules on the law applicable to companies and other bodies (2016) [Electronic resource] European group for private international law. URL: <https://www.gedip-egpil.eu/documents/Milan%202016/GEDIPs%20Proposal%20on%20Companies.pdf>. (дата обращения: 10.10.2020).*